

Научная статья

УДК 342.8

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.8-17

Кантианские максимы в теории права

Виктор Николаевич Корнев

Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация

kornev51@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9364-0398>

Аннотация

Введение. Статья посвящена 300-летию со дня рождения великого представителя немецкой классической философии Иммануила Канта. Автор показал, какое влияние оказала кантианская философская система на методологию юридической науки и особенности исследования проблем теории права. На разграничении сущего и должного построено знаменитое «Учение о чистом праве» Г. Кельзена, а также в юридической науке сформировалось самостоятельное направление, именуемое неокантианством.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу составляют работы Д. Юма, А. Кауфмана, Г. Радбруха, Э. Гуссерля. В настоящей статье использовались общенаучные методы: анализ, синтез, систематизация. Кроме того, автор строил свои суждения на основе сравнительного анализа, формально-юридического и герменевтического методов исследования.

Результаты исследования. Философские максимы Канта составили основу его концепции позитивного права. Можно смело утверждать, что это была одна из наиболее значимых попыток в теории права обоснования сути позитивного права на рационалистических теоретико-познавательных основаниях. В связи с этим напомним, что, по Канту, мораль – это результат рефлексии человека как ноумена, сущности свободной в абсолютном смысле.

Обсуждение и заключение. По результатам исследования сформулирован вывод о том, что философская концепция И. Канта заложила методологическую основу решения проблемы разграничения права и морали, а также в контексте его учения о логике – понимания сущности и природы судебного решения, что особенно важно при подготовке специалистов для судебной системы.

Ключевые слова: Кант, феномен, ноумен, категорический императив, определяющие суждения, догматика, нравственность, право, позитивное право, юридический позитивизм

Для цитирования: Корнев В. Н. Кантианские максимы в теории права // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 3. С. 8–17. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.8-17.

Original article**Kantian Maxims in the Theory of Law****Viktor N. Kornev**

*Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
kornev51@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0007-9364-0398*

Abstract

Introduction. The article is devoted to the 300th anniversary of the birth of Immanuel Kant, a great representative of German classical philosophy. The article shows how the Kantian philosophical system influenced the methodology of legal science, and especially the study of the problems of the theory of law. The famous "The Pure Theory of Law" by H. Kelsen is based on the distinction between the "is" and "ought", and also an independent trend called neo-Kantianism was formed in legal science.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis is formed by the works of D. Hume, A. Kaufman, G. Radbruch, E. Husserl. This article used general scientific methods: analysis, synthesis, systematisation. In addition, the author built his judgements on the basis of comparative analysis, formal-legal and hermeneutic methods of research.

Results. Kant's philosophical maxims formed the basis of his concept of positive law. It can be safely noted that it was one of the most significant attempts in the theory of law to substantiate the essence of positive law on rationalistic theoretical and cognitive grounds. In this connection, let us recall that according to Kant, morality is the result of the reflection of man as noumena, an entity free in the absolute sense.

Discussion and Conclusion. According to the results of the study, the conclusion is formulated that the philosophical concept of I. Kant laid the methodological foundation for solving the problem of distinguishing law and morality, as well as in the context of his doctrine of logic understanding of the essence and nature of the judgement, which is especially important for the training of specialists for the judicial system.

Keywords: Kant, phenomenon, noumena, categorical imperative, determinate judgements, dogma, morality, law, positive law, legal positivism

For citation: Kornev, V. N., 2024. Kantian maxims in the theory of law. *Pravosudie/Justice*, 6(3), pp. 8–17. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.8-17.

Gedanken ohne Inhalt sind leer, Anschaungen ohne Begriffe sind Blind

(Мысли без содержания – пусты, созерцания без понятий – слепы)¹.

И. Кант

Введение

Иммануил Кант (1724–1804), основоположник немецкой классической философии, профессор логики и метафизики в Университете Кенигсберга, преподавал, наряду с философией, математику, физику, географию, ан-

¹ Кант И. Критика чистого разума // Собрание сочинений : в 8 т. Т. 3 / под общ. ред. проф. А. Ф. Гулыги. М. : Чоро, 1994. С. 90.

тропологию и другие науки. Родился и всю жизнь прожил в Кенигсберге. Окончил престижную гимназию «Фридрихс-Коллегиум». Учился на теологическом факультете Кенигсбергского университета (1740–1745). С 1755 года – приват-доцент, с 1755 г. – ординарный профессор этого Университета. В 1786–1801 годах – ректор Университета. В 1794 году избран иностранным почетным членом Петербургской академии наук.

И все же мир знает Канта прежде всего как философа, который в европейской традиции наиболее последовательно развивал критико-рационалистическое направление в философии вообще и в философии и теории права в частности. Сразу отметим, что для целей настоящей статьи нет необходимости характеризовать философскую систему Иммануила Канта в целом. Акцентируем внимание здесь на основных положениях кантовской философской системы и на их значении для современной теории и философии права.

История его научного творчества разделяется на два периода: предкритичный и критичный, который сам Кант называл «коперниканским переворотом» в философии. Своей «Критикой чистого разума» Кант и намеревался совершить в философии тот самый «коперниканский» переворот. Он состоял в утверждении о том, что не «знания должны сообразовываться с предметами», а «предметы должны сообразовываться с нашим познанием». Мыслитель предложил переместить центр рассмотрения (подобно тому как Николай Коперник переместил центр мира) с того, «что познается» (предмета познания), на то, «с помощью чего и как познается» (познавательные способности человека).

Теоретические основы. Методы

До этого, как считал Кант, человеческое познание стремилось приспособиться к предмету и соотнести с предметом познания, интеллектуальные способности направлялись на решение теоретических проблем бытия, между тем как для познания принципов метафизики центр тяжести следует переместить в область разума (*Vernunft*), ибо только сам разум понимает, чтò является предметом его внимания и исследования. В результате чего не теория бытия, а теория познания, разработанная шотландским философом Давидом Юмом (1711–1776), имя которого неоднократно упоминал И. Кант, может объяснить, как человек способен познавать и исследовать различные феномены, в том числе и право.

В теоретико-познавательной концепции Иммануила Канта важную, по сути фундаментальную, роль играют разработанные мыслителем категории «феномен» и «ноумен». Термин «феномен» в кантовской терминологии – «вещь для себя» (*Ding fur sich*), составляющая предмет деятельности разума, которую мыслитель отграничивает от «вещи в себе» (*Ding an sich*), или собственно «ноумена», который остается вне познания человека. Уверенность в том, что разуму человека непосредственно доступны только явления, а объективная реальность остается недоступной, придавала философии Канта отчетливые черты феноменализма в широком его значении.

Кантианскому феноменализму в полной мере соответствует догматический метод познания права. *Догматизм*, по Иммануилу Канту, «есть догма-

тический метод чистого разума без предварительной критики способности самого чистого разума» [Кант, И., 1994, с. 34]. Догматик исходит из предпосылок, которые он некритично принимает за истинные. Он мыслит исключительно «*ex datis*», т. е. из данного. Правовой догматик не спрашивает, что есть право и существует ли вообще, и при каких условиях, в каком объеме и каким образом осуществляется познание права. Однако это не обязательно означает то, что догматик всегда поступает некритично. Вполне обоснованным представляется факт применения нормы закона, толкования ее с критикой со ссылкой на действующую систему права, но без оценки с точки зрения ее правильности и справедливости. В рамках правовой догматики эта позиция вполне легитимна, однако представляет опасность, когда отклоняет недогматический тип мышления философии права и теории права как бесполезное, как «чисто теоретическое» или как вовсе ненаучное [Кауфман, А., 2019, с. 18].

Согласно учению Иммануила Канта, чистое познание содержит только форму, под которой нечто может быть познано, поскольку оно (содержание) не исходит от рассудка, а производно от опыта, имеет место только a posteriori и поэтому не является «чистым». Из этого заключения результируется другое направление: ради «чистоты» философствования оно отказывается от всякого содержания и особенно от высказываний о ценностях (Макс Вебер «Наука, свободная от ценностей», Ганс Кельзен «Чистое учение о праве») и обращается только к формам бытия, мышления, права. Эта «чистота», которая многими рассматривается в качестве решающего критерия «рациональности», является поэтому основанием для того, чтобы все содержательное философствование квалифицировать как иррациональное и потому ненаучное. Но даже такая рациональность, сведенная к формальной чистоте, заслуживает упрека, так как не дает ответа на действительно важные вопросы. Вместе с тем, как заметил известный немецкий философ и теоретик права Артур Кауфман, формализм в философии (сам Кант не был представителем этого течения) смог выдвинуть и обосновать весьма тонкие и остроумные теории, но, как известно, мысли без содержания пусты, и потому их значение для практической жизни тем ничтожней, чем строже они следуют правилам чистоты [Кауфман, А., 2019, с. 18].

Вместе с тем в юридической науке постепенно начали складываться теоретические взгляды, согласно которым не имеют равнозначного (отдельного) существования формальная чистота и содержательно значимая сила высказываний. Тем самым ставилось под сомнение господство одной какой-либо юридической доктрины: юридического позитивизма или естественного права. Складывалась благоприятная почва для обоснования интегративных концепций права, происходящих из объективной предпосылки, принимающей во внимание сложный, комплексный характер природы права.

Из современных философов права Густав Радбрух был первым, кто после столетнего господства формализованной общей теории права вновь стал философствовать, обращая внимание на содержание права. Почти в то же время в философии наблюдается возврат «к самим вещам», а в философии права – вновь возвращение к «вещам права». Только через год после

выхода в 1913 г. в свет работы Эдмунда Гуссерля «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» [Гуссерль, Э., 2009] Радбрухом был опубликован труд «Очерки философии права» [Радбрух, Г., 1914], с которым связано исследование новых вопросов о *содержании и правильности права*. Радбруху можно присвоить имя главного свидетеля позитивизма, а в действительности он является его ниспровергателем. От ранее представленного «методологического дуализма» между должным и сущим, через мысли о «материальной определенности идеи» до более позднего учения о «природе вещей» ведет прямой путь. С именем Радбруха связан переход к новой главе в философии права: *философия права по ту сторону естественного права и позитивизма*, т. е. к формированию интегративной теории и философии права, основанной на синтетическом подходе к определению природы права².

В настоящей статье использовались общенаучные методы: анализ, синтез, систематизация. Кроме того, автор строил свои суждения на основе сравнительного анализа, формально-юридического и герменевтического методов исследования.

Результаты исследования

В философской концепции Канта человек есть не только ноумен, но также и феномен, который взаимодействует с другими людьми, такими же феноменами. Иными словами, благодаря разуму человек может открыть для себя такое свойство своей природы, как добная воля, но, с другой стороны, человек также является природным существом. Поэтому человеческие поступки детерминированы естественными потребностями, управляются склонностями. Хотя человек как ноумен способен выходить за пределы мира природы, он всегда остается частью мира природы как феномен. Отсюда необходимость существования положительного права, которому имманентно присущ принудительный характер. Если бы человек был полностью и исключительно разумным, если бы он всегда руководствовался законами разума, то право, основанное на применении принуждения, было бы излишним. Принуждение было бы заменено общечеловеческим взаимным доверием и пониманием. Отметим, что Кант не игнорирует ни одну сторону человеческой природы. С одной стороны, в критике практического разума он указывает на важность для выстраивания концепции внешней свободы отнесения человека к категории ноумена, а с другой стороны, в теории позитивного права он рассматривает ситуации, когда добная воля как синоним категорического императива еще не является побуждением его действий. Нормы, являющиеся результатом внутреннего, связанного с практическим разумом законодательства, ученый называл естественным правом, а право, создаваемое государством для регулирования

² Научной справедливости ради следует отметить, что отечественные ученые-юристы дореволюционной России внесли существенный вклад в формирование указанного научного направления в юридической науке: вспомним хотя бы профессора А. С. Ященко и написанный им фундаментальный труд «Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства» [Ященко, А. С., 1912].

сферах внешних человеческих деяний как феноменов, называл позитивным правом.

Концепция позитивного права представлена Кантом в работе «Метафизика нравов» [Кант, И., 2007]. Можно смело заметить, что это была одна из наиболее значимых попыток в философии права обосновать суть позитивного права на рационалистических теоретико-познавательных основаниях. В связи с этим напомним, что, по Канту, мораль – это результат рефлексии человека как ноумена, сущности, свободной в абсолютном смысле. Предметом позитивного права являются человек как феномен и его внешняя свобода. Следовательно, непосредственной целью позитивного права выступает не охрана человека-ноумена как свободного субъекта, а автономия человека-обывателя, члена социума, сущности, порожденной природой. Напротив, предмет позитивного права составляют человек как феномен и его свобода в практическом, т. е. внешнем ее выражении. Однако это не означает, что Кант строго разграничивает эти сферы. Тем самым мыслитель отвергает, с одной стороны, чистый волонтаризм правотворца, а с другой – ничем не ограниченное морализаторство. В первом случае утверждается, что в сфере позитивного права правотворец не знает никаких ограничений, вытекающих из требований моральных норм, во втором – что право не является средством для реализации в обществе моральных ценностей. Обе эти позиции, согласно концепции Канта, являются ошибочными.

В «Критике чистого разума» Кант рассматривает общую логику, которая строится по плану, «совершенно точно совпадающему с делением высших познавательных способностей. Эти способности суть **рассудок, способность суждения и разум**» (выделено мною. – В. К.) [Кант, И., 1994, с. 151]. Определение истинной природы судебного решения очень важно для юридической теории и практики, поскольку это непосредственно касается важнейшего раздела теории государства и права: понятия форм права, к числу которых некоторые современные отечественные теоретики государства и права относят помимо форм, общепризнанных в науке и практике, еще и решения судов, так называемое судебское право, полагая, что в них содержатся нормы и принципы права. Такие выводы навеяны, очевидно, непреодолимым желанием ввести или, по меньшей мере, признать наличие в российской правовой системе прецедентного права.

Прежде всего надо установить, что есть способность суждения. Без обращения к трудам немецкого философа И. Канта суть данной категории понять невозможно. Итак, способность суждения, по Канту, «есть умение подводить под правила, т. е. различать, подчинено ли нечто данному правилу (*casus datae legis*) или нет» [Кант, И., 1994, с. 153]. Немецкий философ высоко ценил это качество человеческого ума и считал, что «способность суждения есть особый дар, который требует упражнения, но которому научиться нельзя. Вот почему способность суждения есть отличительная черта так называемого природного ума (*Mutterwitz*), и отсутствие ее нельзя восполнить никакой школой, так как школа может и ограниченному рассудку дать и как бы вдолбить в него сколько угодно правил, заимствованных у других, но способность правильно пользоваться ими должна быть присуща даже школьнику, и если нет этого естественного дара, то никакие прави-

ла, которые были бы предписаны ему с этой целью, не гарантируют его от ошибочного применения их. Поэтому врач, судья или политик может иметь в своей голове столь много превосходных медицинских, юридических или политических правил, что сам способен *in abstracto* усматривать общее, но не может различить, подходит ли под него данный случай *in concrete*, или же потому, что он к такому суждению недостаточно подготовлен примерами и реальной деятельностью» [Кант, И., 1994, с. 154].

Приведенные положения работы немецкого классика философии представляют собой основу для нескольких выводов. Во-первых, способность суждения у судьи есть связь природных интеллектуальных задатков, профессиональной юридической подготовки и опыта деятельности в качестве практикующего юриста. Во-вторых, способность суждения выражается в подведении конкретного случая под уже существующее правило (норма права), а не, что очень важно заметить для нашего исследования, формулировании или установлении собственно правила поведения. Данный вид способности суждения И. Кант именует определяющим суждением.

Процесс подведения отдельного случая под уже существующее правило – это оценочная деятельность суда, которая, однако, не носит аксиологический характер, поскольку в норме правадается аксиологическая оценка фактов, отношений, поведения и т. д. В правовой науке такую деятельность принято называть юридической квалификацией. По сути дела, правотворчество и правоприменение являются собой оценочную деятельность управомоченных субъектов правотворчества и правоприменения с той лишь существенной разницей, что результатом оценки правотворцем фактов реальной жизни является норма права, а итог юридической квалификации, которая дается правоприменителем и представляет собой разновидность оценочной деятельности, – это суждение о соответствии конкретного случая тем юридическим признакам, которые указываются в установленном правиле. Таким образом, судья обращается к праву с тем, чтобы отличить *правильное от неправильного, дозволенное от недозволенного, правомочное от неправомочного*. В этом случае он поступает индивидуально, исходя из особенностей каждого конкретного казуса. В его решении как акте суждения о частном случае нет императивов, предписывающих, приказывающих, что делать, а чего не делать, т. е. решение не устанавливает нормы, имеющей, подобно закону, всеобщий характер, поскольку она уже установлена в соответствующей форме права. В нем (судебном решении) содержится суждение о правомерности либо неправомерности поведения того или иного субъекта права.

В связи с изложенным уместно привести весьма красноречивое суждение Иммануила Канта: «Юрист-законник ищет законы, гарантирующие мое и твое (когда он действует – как и надлежит – в качестве должностного лица правительства), не в своем разуме, а в обнародованном и утвержденном властями своде законов. От него нельзя по справедливости требовать доказательства истинности и правомерности этих законов, так же как и защиты от высказываемых разумом возражений против них. В самом деле, только повеления указывают, что соответствует праву, и вопрос о том, соответствуют ли праву сами повеления, юрист должен отвергнуть как нелег-

пый. Было бы смешно уклоняться от подчинения внешней и высшей воле на том основании, что она будто бы не согласуется с разумом. Ведь престиж правительства заключается именно в том, что оно предоставляет своим подданным свободу судить о правом и неправом не по их собственным понятиям, а согласно предписаниям законодательной власти» [Кант, И., 1994, с. 62]. Согласно методологическим предпосылкам позитивистского правопонимания и правоприменения данный вывод можно считать безусловно верным.

В основу классических философско-правовых представлений о достоинстве человека и его личности были положены идеи великих немецких мыслителей Канта и Гегеля. Кант рассматривал чувство уважения к личности другого человека как моральный долг, но не как принудительную юридическую обязанность. Для него человек представлялся «как цель в себе самом», но «никогда просто как средство» [Кант, И., 2007, с. 326]. Это положение представляет краеугольный камень кантовского категорического императива, который «вообще выражает лишь то, что есть обязательность, гласит: поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона» [Кант, И., 2007, с. 67].

Обсуждение и заключение

Кантовская теория и философия права не оказала столь сильного влияния на последующую интеллектуальную картину мира, как его философская концепция в целом. Вместе с тем кантовская идея о разделении сущего и должного все же получила отклик ученых-юристов. По существу, Кант не ограничивался только тезисом о том, что нельзя исследовать должное, принимая во внимание лишь методологию описательного характера. Ибо Кант выдвинул философию, призванную продемонстрировать, что на уровне теории познания мы должны признать тезис о том, что мы иначе познаем то, что есть, и то, что должно быть. Если мы переходим к познанию должного при помощи категорий, используемых для познания того, что есть, это приводит к мнимому по сути своей метафизическому знанию [Zirk-Sdowski, M., 2011, с. 32–47].

Дуализм того, что есть (das Sein), и того, что должно быть (das Sollen), стал результатом дуализма феномена и ноумена. Философию и теорию права, основанную на кантинском тезисе разграничения сущего (das Sein) и должного (das Sollen), предложил Ганс Кельзен, создавший свою знаменитую «Чистую теорию права», которая оставила заметный след в развитии современной правовой мысли. Кроме того, в юридической науке сформировалось отдельное, самостоятельное направление, именуемое неокантианством.

Список источников

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М. : Академический проект, 2009. 489 с. ISBN: 978-5-8291-1042-0.

Кант И. Критика чистого разума // Собрание сочинений : в 8 т. Т. 3 / под общ. ред. проф. А. Ф. Гулыги. М. : Чоро, 1994. 740 с. ISBN: 5-8497-0003-X.

Кант И. Метафизика нравов : в 2 ч. / пер. с нем., примеч. С. Я. Шейнман-Топштейн, Ц. Г. Арзаканьяна. М. : Мир книги : Литература, 2007. 399 с. ISBN: 978-5-486-01153-5.

Кант И. Спор факультетов / пер. с нем. Ц. Г. Арзаканьяна, И. Д. Копцева, М. И. Левиной ; отв. ред. Л. А. Калинников. Калининград : Издво КГУ, 2002. 286 с. ISBN: 5-88874-322-4.

Кауфман А. Философия права, теория права, правовая доктрина // Государство и право. 2019. № 5. С. 18–29. DOI: 10.31857/S013207690004857-4.

Радбрух Г. Очерки философии права. Томск : Кн.маг. Д. М. Посохина, 1914. 604 с.

Ященко А. С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1912. 841 с.

Zirk-Sdowski M. Wprowadzenie do filozofii prawa. Warszawa : LEX a Wolters Kluwer business, 2011. 202 s. ISBN: 978-8-326-41407-7.

References

- Husserl, E., 2009. *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoj filosofi* = [Ideas for the pure phenomenology and phenomenological philosophy]. Moscow: Academiceskij proekt. 489 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8291-1042-0.
- Kant, I., 1994. Critique of pure reason. *Sobranie sochinenij* = [Collected works]. In 8 vols. Vol. 3. Ed. A. F. Gulyga. Moscow: Choro. 740 p. (In Russ.) ISBN: 5-8497-0003-X.
- Kant, I., 2002. *Spor fakul'tetov* = [Dispute of faculties]. Transl. from Germ. by Ts. G. Arzakanyan, I. D. Koptsev, M. I. Levina. Ed. L. A. Kalinnikov. Kaliningrad: Publishing House of Kaliningrad State University. 286 p. (In Russ.) ISBN: 5-88874-322-4.
- Kant, I., 2007. *Metafizika nraov* = [Metaphysics of morals]. In 2 pts. Transl. from Germ., note by S. Ya. Sheinman-Topshtein, Ts. G. Arzakanyan. Moscow: Mir knigi ; Literatura. 399 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-486-01153-5.
- Kaufman, A., 2019. Philosophy of law, theory of law, legal dogma. *Gosudarstvo i pravo* = [State and Law], 5, pp. 18–29. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013207690004857-4.
- Radbruch, G., 1914. *Ocherki filosofii prava* = [Essays on the philosophy of law]. Tomsk: Bookshop of D. M. Posokhin. 604 p. (In Russ.)
- Yaschenko, A. S., 1912. *Teoriya federalizma. Opyt sinteticheskoy teorii prava i gosudarstva* = [Theory of federalism. The experience of the synthetic theory of law and the state]. Yuriev: Printing House K. Mattisen. 841 p. (In Russ.)

Zirk-Sdowski, M., 2011. *Wprowadzenie do filozofii prawa*. Warszawa: LEX a Wolters Kluwer business. 202 s. ISBN: 978-8-326-41407-7.

Информация об авторе / Information about the author

Корнев Виктор Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права имени Н. В. Витрука Российской государственной университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69), главный редактор журнала «Правосудие/Justice».

Viktor N. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation), Editor-in-Chief of the Journal “Pravosudie/Justice”.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 17.04.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 06.06.2024.

The article was submitted 17.04.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 06.06.2024.